

Ақаева Мадина Берікқызы

akaevamadina616@gmail.com

Студентка 4 курса кафедры «Дизайн и инженерная графика» ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель - Абдраманова Ж.М., магистр, старший преподаватель

Как мы воспринимаем окружающий нас мир? Что же мы видим? Что мы замечаем? Что является важным, значительным и значимым для нас? Чем мы наполняем нашу реальность? Ищем ли мы чего-то большего, чего-то более глубокого, чего-то, что придает нашим произведениям вкус и наслаждение? Форма, какого либо объекта в искусстве обычно черпает вдохновение из различных источников. Даже абстрактное искусство часто представляет собой преобразенный мир наших впечатлений, ощущений и переживаний.

Художественная рука рисует некоторые фигуры, но если мы не применяем никаких правил, таких как, математические или строительные правила, которые отделены от нашей интуиции, то мы представляем только конструкции, созданные умом посредством слияния его различных содержаний. Даже хорошо известный узор, повторяющаяся форма линии или следы индивидуальности художника составляют строительный материал, взятый из обильных ресурсов. «Для меня язык рисования -это язык откровения: после того, как было сделано несколько линий, вы можете сделать вывод действительно ли человек, делающий их, является архитектором» – слова Ээро Сааринена раскрывают правду о внутренней жизни архитектора [1].

Архитектору не нужно рисовать здание, чтобы думать о пространстве, кубатуре или интерьере. Если мышление «архитектура» является их страстью, то оно наложит отпечаток на самые простые или самые абстрактные формы, созданные ими.

Архитектура относится к таким художественным жанрам, которые вдохновляются формами и содержанием, имеющими коннотации с различными другими направлениями искусства и культурным наследием. Такие связи не всегда полностью осознанны и могут идти глубже, чем может достичь ваше воображение. Художник не всегда стремится наполнить свое произведение содержанием. Неприхотливое очарование работы может быть ее величайшей ценностью. Однако, когда здание, парк или мост могут захватить наше воображение, оно перестает быть простым элементом пейзажа – оно становится элементом, который говорит с нами и обращается к нам. Только тогда искусство – начинает завоевывать своих верных почитателей.

Понятие коннотации

Коннотация – тип лексической информации, сопутствующей значению слова. Иногда называется также (семантической) ассоциацией. Коннотация слова отражает такой признак обозначаемого им объекта, который, хотя и не составляет необходимого условия для применения данного слова, но устойчиво связан с обозначаемым объектом в сознании носителей языка.

Например, во многих европейских языках у слова, обозначающего лису, имеется коннотация «хитрости» или «коварства». Понятно, что эти признаки несущественны для данного класса животных: для того чтобы называть некоторое животное лисой, нам нет необходимости проверять, является ли оно хитрым. Следовательно, признак хитрости не входит в дефиницию (толкование) этого слова, но, тем не менее, устойчиво ассоциируется с ним в языке, о чем свидетельствует хотя бы переносное употребление слова лиса применительно к хитрому человеку.

Стул говорит нам прежде всего о том, что на него можно сесть. Но когда это трон, то на нем не просто сидят, но восседают с достоинством. Можно сказать, что трон превращает сидение в «восседание» с помощью ряда вспомогательных знаков (орлов на подлокотниках, высокой, увенчанной короной спинки и т. д.), созначающих королевское достоинство. Эти коннотации королевского достоинства настолько важны, что, они оставляют далеко позади основную функцию вещи, на которой удобно сидеть. Более того, часто трон, коннотируя королевское достоинство, принуждает сидеть неестественно прямо и неподвижно и, следовательно неудобно (с короной на голове, скипетром в правой и державой в левой руке). Сидение это только одна из функций трона, только одно из его значений, самое непосредственное и не самое важное.

Коннотации – это условные ассоциации. В контексте этих рассуждений они представляют собой определенное содержание, которое присутствует в различных областях искусства вместе с его аналогами в архитектуре [2]. Понятие коннотации помогает видеть смысл и отношения между архитектурой и различными областями. Такие отношения приводят к построению интересного и изобильного мира. И это прекрасно, видеть различные способы человеческого мышления и кругооборот идей.

Например, архитектурный объект может означать определенную функцию или созначать какую-то идеологию функции. Но разумеется, он может коннотировать и другие вещи. Пещера, получила значение убежища, но конечно, со временем она начала означать «семья», «коллектив», «безопасность» и т.д. И трудно сказать, является ли эта ее символическая «функция» менее «функциональной», чем первая. Другими словами, если пещера означает — воспользуемся удачным выражением Кенига — некую «utilitas» (благо, польза) то следует еще задаться вопросом о том, не более ли полезна для жизни в обществе коннотация близости и семейственности, входящая в символику пещеры. И коннотации «безопасность» и «убежище» при этом представляются не менее важными.

В прошлом веке историки искусства склонны были считать, что всякий код (художественный стиль, творческий почерк, «способ формосозидания») есть проявление определенной идеологии, органичной частью которой он является во времена ее становления и расцвета. И тогда готический стиль приравнивается к религиозности, отождествление, опирающееся на ранее сложившиеся коннотативные системы, такие как «устремленность ввысь = восхождение души к Богу» или «свет, вливающийся в полутемное пространство».

Известно, что такой мегаполис, как Нью-Йорк, изобилует неоготическими церквями, чей стиль или «язык» призван передавать божественное присутствие. И

любопытно, что и в наши дни актуальна конвенция, благодаря которой верующие видят в них тот же самый смысл, между тем как стискивающие их со всех сторон небоскребы, из-за которых они выглядят крохотными, препятствуют восприятию устремленных вверх вертикалей. Этого примера достаточно, чтобы понять, что готические церкви Нью-Йорка, которые больше не стремятся ввысь, продолжают передавать религиозный порыв, потому что «прочитываются» на основе кодов ассоциаций, позволяющих узреть их вертикали, несмотря на новый контекст, рожденный засильем небоскребов.

Философия и формообразование

Как мы создаем пространственную форму, чтобы сделать ее понятной? В качестве аксиомы мы принимаем ситуацию, в которой ищем понимания. Более того – ситуация, в которой мы сознательно строим это понимание. Лейтмотивом этих рассуждений является философия наряду с соответствующим содержанием, поскольку на протяжении многих веков именно философия создавала основы для понимания реальности. Возможно, стоит напомнить, что философия делится на онтологию, теорию познания, логику, аксиологию, этику и эстетику. В течениях философии, которые иногда выделяются и которые представляют для нас интерес в этом предмете, мы находим можно перечислить, среди прочего, философию природы, религии, культуры, искусства и языка. И это все влияет на формирование новых идей как и для дизайна, так и для архитектуры.

Когда дизайнер ориентирован на творчество, техника отрицания атрибутов может дать ему инструменты, позволяющие создавать удивительные вещи. В таких случаях смысловые ассоциации занимают почетное место в процессе творения. Это не единственный путь, позволяющий формировать архитектуру, но он, безусловно, влечет за собой большое удовлетворение и позволяет создавать вещи, стимулирующие любопытство.

Например, Ренцо Пиано начал работу над проектом в высоту 319 метров всего через три дня после того, как в 2001 году были разрушены городские башни-близнецы, несмотря на то, что все боялись построить еще одно высотное здание, которое могло стать целью.

Он обернул основание стеклом, чтобы открывать виды изнутри и с улицы – эта особенность, по его мнению, делает здание намного безопаснее. «Мы решили продолжить, и мы сделали это», – продолжил он. «Мы – The New York Times, нам нужно сделать этот жест, чтобы показать, что прозрачность первого этажа более безопасна, чем защита. Когда вы видите насквозь, это означает, что он более безопасен» [3].

Здание спроектировано так, чтобы быть максимально прозрачным и проницаемым, что отражает культуру открытости газеты. И это еще один пример связи между формообразованием и коннотацией в архитектуре [4].

В заключении хотелось бы сказать, что форма в искусстве обычно черпает из различных вдохновений и ситуаций. Даже абстрактное искусство представляет собой преображенный мир наших впечатлений, ощущений и переживаний. Очевидно, что художник не может описать все источники вдохновения. Художественное произведение, понимаемое как самореализация или искусство для искусства, управляется потребностью в выражении собственных эмоций, переживаний, желаний или увлечения.

Коннотации позволяют нам приписывать определенные имена объектам или подобным явлениям. Благодаря им мир становится описываемым и, следовательно, понятным. С тем же успехом мы можем пользоваться явлением окружающего мира, не называя их. Так работает наша окружающая среда. Тем не менее, мир гораздо интересней, когда мы узнаем некоторые знаки, символы и ассоциации в нашем окружении. Увлекательно, когда элементы пространства создают для нас понятную и «разборчивую» историю

Список использованных источников

1. Krzysztof M. Rostański *Connotations in Architecture* – Wydawnictwo Politechniki Śląskiej, Gliwice 2018
2. Г.Л. Терехова. – Тамбов: Философия архитектуры: учебное пособие / Изд-во Тамб. гос. техн. унта, 2007.
3. Richard B. *New Glass Architecture*, Laurence King Publishing, London 2006
Alexander Ch.: *The Nature of Order* // The Center for Environmental Structure, Berkeley, 2002